Деревня Урупово - Минская область, Логойский район.
(Октябрьский сельский совет)

Накануне войны количество: дворов - 6, населения - 16.
Количество уничтоженных: дворов - 6, населения - 16.
(Согласно книге « Нацистская политика геноцида и «выжженной земли» в Белоруссии» 1941-1944, Минск, «Беларусь» 1984)

Деревня Урупово была сожжена в июне 1944 года в ходе карательной операции.
После войны не восстановлена.

Воспоминания о д. Урупово Логойского района Минской области.

Свидетели рассказывают:

Г. Ф. Ланевская, г.п.Плещеницы: «…До войны мы жили в Минске, потом под конец войны приехали с мамой и младшим братом в Урупово - думали тут уцелеем. Тут жили мои бабушка с дедушкой – мамины родители, Мороз Юзефа и Адам. До 44 года нас немцы не трогали.
…В тот день с утра нас окружили. Беженцев было много в домах. Полицаи кричали, что тут собрались партизанские семьи. Мать с моим братом была в одном доме, а бабушка в другом. Мама мне говорит: - иди к бабушке, сховайся в «варывню».
Я ей говорю: - я с тобой хочу быть.
А она мне: - нет, нет, иди к бабушке.
Как чувствовала, отправила к бабушке. Я прибегла к бабушке, а их уже на улицу выгоняют- «вэк, вэк» и в колонну строят. А Бабушка меня домой отправляет, говорит:
- детка, вернись домой, хоть ты живая останешься.
Я хотела дома остаться и вернулась, из колонны вышла и пошла, а немец увидел и на меня палкой – не бил , но замахнулся и вернул назад. Я их догнала плачучи.
Они говорят: - Ой, а чего ж ты вернулась?
Я говорю: - немец меня вернул.
Мы не знали куда они нас гонят, думали палить будут, не хотели идти, а вышло наоборот- спалили тех кто остался в домах. Маму, Улима ее звали, с братом Толей на пороге застрелили. Она его на руках держала- 1 год и 4 месяца ему было. У нее бусы были несгораемые - по ним потом мы ее и нашли. Провоторова, жена военного, под печку залезла с детьми и там они задохнулись. Там много людей погибло. Кто их там считал, тогда все беженцы сюда приходили, кто к родственникам, кто в лес-там прятались.
Нас немного отвели от деревни и все запалили. Через ручей от Урупово Суботино было, 4 дома там было, но их не спалили. А нас гнали в Малые Нестановичи, там рядом деревня была- Заручевье звали тогда. Нас там тоже палить гнали. Открыли пуню и туда всех стали загонять. Возле забора стоял немец и смотрел, как сейчас его вижу: рыжий такой, в очках, с пистолетом был. А моя бабушка подошла к нему и говорит:
- «сынок, можа і у цябе маці такая ёсць з дзецьмі. Няўжо ж ты нас спаліш, каго ж тут паліць- адны дзеці ды мы старыя ». Заплакала и в ноги ему кинулась. Переводчик перевел эти слова. Немец подумал и что то ему ответил. И все - сказали- отставить, и погнали нас в Нестановичи. Там мы ночевали в доме. Потом немцы набрали людей в Германию, но нас с бабушкой не взяли...Утром смотрим - как то тихо стало, нигде немцев нет, а они уже

ночью отступили. Пошли мы домой. Как пришли – там куры на дереве сидели. От домов одни головешки были и никого не было. До освобождения совсем мало оставалось... ».

Ядвига Францевна Адамович , 1932 г.р., г. Логойск:

«…До войны нашу деревню хотели перенести в Нестановичи, но не успели. Другие хутора свезли в Жуковку и Горбовщину. Через речку от нас на горке, совсем близко татары жили в четырех домах. То место называли Урупово, оттуда и нашу деревню так стали называть. Там старый дед Якубовский жил с сыновьями и дочка у него была – вышла замуж за Полторжицкого. Наши с татарами «надта ужо дружылі, лепш чым с другімі». Перед войной их переселили в Малые Нестановичи и Белую. Началась война. Партизаны приходили, десантники - кормили их и одевали. Потом блокада началась и к нам в деревню люди шли, утекали кто откуда. А в лесу полицаи и немцы понаходили людей и их сюда к нам в Урупово пригнали. Немцев мало было, в основном одни полицаи были. Когда я слушаю как сейчас на Украине говорят, то и эти полицаи тогда так говорили. Они у меня и сейчас в глазах стоят - черные длинные шинели, повязки и черные пилотки. В зеленой форме немного было немцев. Половили они этих людей и в наши хаты – полные хаты понабивались. Сестра моя старшая Соня сховалась в доме, чтоб ее в Германию не забрали - она с 29 года была. Никто ж не думал, что они нас здесь побьют и попалят. Это утром было, часов в девять. Окружили всю деревню. Которые люди раньше пришли из леса – они в домах были, а потом других пригнали и они на улице стояли.
В доме у нас много чужих людей было. Тут на улице слышим какой то гомон и они меня малую на улицу выпроводили - посмотреть. Тетя Павлина, сестра папы, говорит:
- Ядзечка, выйди во двор , погляди, что там робится. Я вышла во двор, а там эти полицаи - за меня и к людям отправили, которые там стояли – там много людей было. Гляжу- там стоит соседка, бабушка Юзефа Мороз, ее дочка тоже Юзефа и внучка Галя, и я к ним притулилась. Нас там целая колонна была. Потом немцы между собой поговорили и скомандовали нашей колонне в Нестановичи идти. Я пошла со всеми, а тетя и сестра Соня остались в доме. И эти чужие люди и наши остались в домах - боялись выходить. Те люди, которые на улице были- попали в Нестановичи, а тех, которые остались в домах - постреляли и спалили. Колонну погнали в Нестановичи, охраняли полицаи с овчарками, убежать нельзя было, сбоку с собаками шли. По пути, в Суботино, тоже всех захватили старых да малых, а молодые похавались. Догнали нас до Заручевья, там крест на перекрестке стоял огороженный. Как стала война, то люди всюду тогда в деревнях кресты ставили. Там немцы между собой поговорили и стали нас в пуню Лещинского гнать. Вылучили из колонны всех уруповских, погнали через улицу и хотели в пуне спалить - видно кто то из полицаев знал, что мы из Урупова и хотели допалить. Мы сразу поняли, что они нас там палить будут, ведут не в деревню со всеми, а в хлев – значит палить будут. Бабушка Морозиха говорит: - детки, нас уже тут спалят. Мы в пуню не пошли - все за руки взялись и за оградку креста уцепились и стали гвалтом кричать. Полицаи эти двери открыли в пуню, с двух сторон с собаками стали и отдирали нас от оградки. И тут эта бабка у немца стала просить не палить нас, в ноги кинулась. Они между собой погергетали и немец приказ отменил и показал , чтобы шли за колонной, погнали нас в Нестановичи. Загнали нас туда и в доме Филипповича заперли- один на одном стояли, боялись садиться, чтобы не подавить детей. Одну ночь мы там ночевали, а утром приехали машины и нас всех завезли в Илию и разместили в складах как скотину- не кормили и в туалет не пускали. Там тоже одну ночь переночевали и утром пришла комиссия и доктора – отбирали в Германию. Там сортировали в две группы, одна из них в Германию и другая отдельно. Я в Германию не попала – была слишком маленькой и худой. Оттуда нас отправили в Малевичи, это 7 километров от Илии, и в хате закрыли. Утром кто то постучал в окно и сказал: - выходьте и идите домой- только давку не

делайте. Немцев уже не было и мы все вместе пошли домой и там встретились с сестрой- она осталась жива. Ей люди сказали, что мы вернулись и она пришла из леса.
Сестра Соня рассказала, что она спряталась в спальне. Потом пришли каратели и раздались выстрелы по людям в хате. Ее не убили. Дома все запалили. Дом наш горел, с потолка уже сыпалось, полная хата дыма была, так она окно разбила и через окно вылезла во двор. На ней одежда уже загорелась, но смогла потушить. Там у соседей цветы росли, кусты сирени, так она туда сначала под эти цветы, а потом на дерево залезла. Там рядом липа росла большая, она на нее залезла, сидела затаившись и оттуда все видела: как деревня сгорела, как грабили…
Пришли мы, а там все сгорело. Сели под липой и плачем. Я и сейчас как вспомню- плачу. Потом Рубневская - с нашей деревни, замужем в Проходах была, пришла с мужем и мы со всех хат косточки в ящик пособирали и захоронили. А через неделю перенесли их на кладбище в Хотаевичи… Мою тетю Левицкую Павлину там спалили. Тогда погибли: Левицкая Фалисия, Левицкая Фалимена, Левицкий Вацлав, Провоторова Альбина и ее дети Рая и Толя, Мороз Улима и Толя, Волох. Из других деревень много погибло людей. Из деревни Белое тут был Деряндяй, тоже погиб, его дети помогали памятник ставить…»

Записал Александр Павлюкович
(из личного архива)